

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ ИМ. ПРОФ. Б. А. ЛАРИНА

**РУССКОЕ СЛОВО
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
(XIV –XIX века)**

Выпуск 6

Санкт-Петербург
2012

УДК 81.373
ББК 81.2Рус
P89

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
грант № 10-04-00308 «Словарь языка М. В. Ломоносова», грант № 11-04-00423а
«Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»
и грант РГНФ № 11-04-00206а «Идиолект М. В. Ломоносова
и европейский научный дискурс XVIII в.» (рук. проф. К. А. Филиппов)*

Отв. редакторы: С. С. В о л к о в, О. С. М ж е л ь с к а я

Рецензенты: д. ф. н., проф. И. А. М а л ы ш е в а (ИЛИ РАН),
д. ф. н., проф. М. Б. П о п о в (СПбГУ)

Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). — Вып. 6 /
P89 Отв. ред. С. Св. Волков, О. С. М ж е л ь с к а я. — СПб., 2012. — 128 с.

ISBN

В шестом выпуске сборника публикуются доклады сотрудников МСК, прочитанные на секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, филологический факультет СПбГУ, 15–20 марта 2010 г.), а также статьи участников научных проектов «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. «(филологический факультет СПбГУ) и «Словарь русского языка XIX в.» (ИЛИ РАН). В сборник включена статья из научного наследия проф. С. С. Волкова, а также материалы тех исследований, которые посвящены истории русского языка, проблемам создания и составления исторических словарей. Статьи сборника объединяет стремление авторов показать, опираясь на исторические тексты и лексикографические источники, какой сложный путь прошло слово, кем и как оно использовалось.

Для историков русского языка, студентов, аспирантов, преподавателей-филологов, а также всех любителей русского языка и культуры.

ББК 81.2Рус

© Авторы статей, 2012
© Филологический факультет СПбГУ, 2012
© Институт лингвистических исследований РАН, 2012

С. Св. Волков

**ТРАДИЦИИ ЛАРИНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА»***

Статья 1

История и система научных взглядов Ларинской филологической школы уже получили подробное описание в научных трудах учеников и последователей проф. Б. А. Ларина: Л. С. Ковтун, А. С. Герда, Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, И. С. Лутовиновой, В. М. Мокиенко, Д. М. Поцепни, О. И. Фояжковой и многих других¹. Главными достоинствами, яркими отличительными чертами научной школы проф. Б. А. Ларина следует назвать, во-первых, общий филологизм, историзм, семантизм и лексикографизм². Последнее, наверное, самое важное, так как система теоретических концепций, подходов и оценок, свойственная Ларинской филологической школе, складывалась на протяжении многих лет в процессе работы над научно-лексикографическими проектами в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ — «Словарем автобиографической трилогии М. Горького», «Псковским областным словарем с историческими данными», «Словарем обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Синтезу идей проф. Б. А. Ларина и Л. В. Щербы в области экспериментальной лексикографии обязано своим существованием особое направление деятельности Словарного кабинета: подготовка толково-переводных (двуязычных) словарей, в том числе болгарско-русского «Словаря поэзии Н. Вапцарова». Научное наследие проф. Б. А. Ларина, достижения Ларинской школы постоянно вдохновляют словарные проекты в иных научных центрах, в том числе и в Институте лингвистических исследований РАН. В этом проявляется еще одна особенность Ларинской школы. Это — «школа новых идей», гармонично сочетающая фундаментальную научную деятельность с образова-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: исследовательские гранты № 10-04-00308а (рук. С. С. Волков) и № 11-04-00206а (рук. проф. К. А. Филиппов).

тельно-просветительской, т. е. подготовкой молодых ученых (об этом подробнее в конце статьи).

1. В докторской диссертации «Три иностранных источника по русскому языку XVI–XVII вв.» (1946) Б. А. Ларин выдвинул и обосновал положение о том, что факты, важные для изучения прошлых состояний национального языка, могут быть обнаружены в тех исторических текстах, которые созданы не носителями языка, а представителями иной культурно-языковой общности. До этого иностранные источники с записями русской речи привлекали внимание только историков и, отчасти, этнографов, а среди филологов считались своего рода курьезом. Исследование подобных текстов, доказал Б. А. Ларин, даст возможность заполнить «зияющий пробел в истории литературного русского языка и русской исторической диалектологии»³. Эта конструктивная идея получила применение при составлении «Псковского областного словаря с историческими данными» и «Словаря обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» Представляется, что не менее интересные результаты для истории русского литературного языка должны быть получены при сопоставительном историко-лексикологическом и историко-семантическом изучении текстов (прежде всего в аспекте их словарного описания), которые принадлежат перу билингвов и полилингвов (в том числе автопереводов, параллельных текстов и так называемых переложений), т. е. текстов, характеризующихся поликодовостью или созданных в обстановке поликодовости (например, в Санкт-Петербургской Академии наук первой половины XVIII в.). В таких текстах открывается масса интересных подробностей и деталей, тем более что перевод идет на языки, в высокой степени обладающие качеством литературности, особенно — на латинский язык. Для многих деятелей русской культуры и науки поликультурность, полилингвизм, речевая деятельность в разных социальных сферах (семья, научная работа, преподавание, профессиональное общение) не на родном языке, а на, подчеркнем, разных языках, была явлением вполне обычным: назовем здесь хотя бы таких известных естествоиспытателей и путешественников в России XVIII в., как М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, И. В. Шлаттер, И. Г. Георги, П. С. Паллас, филологов XVIII и XIX вв. — академиком В. Е. Адогурова, В. К. Третьяковского, А. Х. Востокова, А. А. Куника и Я. К. Грота. Именно поэтому при обсуждении проекта «Словаря языка М. В. Ломоносова», который будет представлять собой универсальный словарь тезаурусного типа, синтезирующий в своем корпусе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, словарь собственных имен, словарь сокращений, по совету акад. Н. Н. Казанского было принято решение расширить традиционные границы «авторского словаря» и включить в лексикографическое рассмотрение тексты

М. В. Ломоносова на латинском и немецком языках, т. е. сделать словарь языка Ломоносова многоязычным: несправедливо было бы исключать такого объема и культурного значения материал из объекта исследования. Ясно, что анализ лексических материалов латинских и немецких текстов Ломоносова даст уникальную возможность более глубоко интерпретировать материал русских текстов, воссоздать историко-культурный контекст эпохи, помочь пользователю словаря проникнуть и погрузиться в этот контекст. Часто использование иноязычного материала позволяет составителям точнее описать семантику слова языка XVIII в., устранить их сомнения. Так, например, в октябре 1751 г. М. В. Ломоносов в «Рапорте об освидетельствовании камчатских камней» делает следующее описание минералогических образцов: «Камни шлифованные ... [камень] треугольный зеленый» и добавляет на полях следующую заметку: «по-латине *лапис нефритикус*, а по-немецки *спекштейн*» (АПСС, т. 5, с. 274). Что Ломоносов мог назвать спекштейном? В Картотеке «Словаря русского языка XVIII в.» (ИЛИ РАН) слово *спекштейн* отсутствует, в словарях XVIII в. его не находим. Правильный ответ можно найти только обратившись к материалам немецкого языка XVIII в., так как М. В. Ломоносов, предположим, узнал это слово, когда общался с горными мастерами в Германии. Как он сам позднее писал в «Первых основаниях металлургии»: «приехав из Гессенской земли в Саксонию, принужден я был учиться другой раз немецкому языку, чтобы разуместь, что говорят рудокопы и плавильщики» (АПСС, т. 5, с. 396). В «Грамматико-критическом словаре немецкого языка» И. Х. Аделунга слово *Speckstein* (букв. — ‘жирный камень’, ср. в словаре В. И. Даля сходное по внутренней форме название *камень жировик*⁴) является профессиональным названием для маслянистых на ощупь минералов, местными, т. е. диалектными наименованиями которых являются *Lavetzstein*, *Lendenstein*, *Schmeerstein*, *Serpentinstein*, *Topfstein*. Все эти минералы, как объяснили И. Х. Аделунгу немецкие горные мастера, входят в класс *lapis nephriticus* или *Nierenstein* ‘нефрит’, т. е. в класс нефритов (Ad., т. 4, с. 176).

Приведем другой, не менее интересный пример: русское слово *атом* встречается у М. В. Ломоносова только два раза (АПСС, т. 2, с. 143), тогда как употребление латинского *atomus* насчитывает более 80 случаев. Такое соотношение может свидетельствовать о том, что М. В. Ломоносов узнал об атоме не из русских источников, а из латинских или, может быть, даже из греческих. Ведь в Славено-греко-латинской академии, в которой Ломоносов провел 4 года (1731–1735), курс физики (ср. трактат «Зерцало естествозрительное»), читавшийся в последнем классе «философии», был в основе своей аристотелианским. Для М. В. Ломоносова *atomus* — совершенно в традициях античных философских систем Демокрита и Аристо-

теля — ‘мельчайшая твердая, далее неделимая и неподверженная изменениям частица материи’, ср.: «amplectimur nullique dubitamus particulas aëris, nempe eas, quae in exercendo elatere a se invicem recedere nituntur, ab omni compositione physica organica structura liberas et, ut tantis vicissitudinibus ferendis stupendisque effectibus producendis pares sint, solidissimas atque nulli inflexioni obnoxias esse; adeoque jure *atomos* vocari debere. Quae quoniam in res corporeas naturaliter agunt, ipsae etiam sint corporeae atque extensae, necesse est» (АПСС, т. 2, с. 112). Это слово обладает в идиолекте М. В. Ломоносова способностью к образованию разнообразных сочетаний, а частотное *aëris atomus* можно вполне рассмагивать как устойчивое. Факты сочетаемости дают возможность суммировать представления М. В. Ломоносова об атоме: его поверхность шероховатая, имеет выступы и впадины (*prominentia, cavitas atomi*). Действия, которые совершают атомы, самые разнообразные: они двигаются (*moventur*), вращаются (*rotantur*), упираются друг в друга (*nituntur*), ударяют (*impingunt, feriunt*), отталкивают (*retorquent*), отскакивают (*dissiliunt, resiliunt*). Движение атомов является причиной физических и химических процессов, например упругости и теплоты. Необычное употребление слова *атом* находим у Ломоносова в цитате из «Оснований химии» («*Elementa chemiae*») Германа Бургаве, в которой *атомы* — это будто бы взвешенные в атмосферном воздухе мельчайшие частицы, пылинки (АПСС, т. 1, с. 20)⁵. Такое сравнение появляется уже у Аристотеля в сочинении «О душе», где демокритовские атомы сравниваются с пылинками в воздухе, которые видны в солнечных лучах⁶.

2. Характерной общей чертой словарей, созданных в рамках Ларинской лексикографической традиции, как уже отмечалось выше, является их изысканный семантизм — предельное внимание к деталям и оттенкам значения слова, доскональный, пристальный семантический анализ. «В словаре писателя, поэта» и, добавим, в словаре языка ученого, «ничего нельзя проходить, упускать», — писал в 1962 г. проф. Б. А. Ларин. При его оставлении «необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова»⁷. Так, например, в текстах М. В. Ломоносова слово *пар* весьма частотно (694 словоформы в русских текстах, причем преимущественно во множественном числе; кроме того, имеются 207 словоформ лат. *vapor* в латинских текстах) и, безусловно, относится к одному из ключевых слов его *orbis mentalis*. Семантически доминирующими у Ломоносова выступают следующие значения:

— ‘летучие частицы, исходящие в воздух при нагревании тел, испарении жидкостей, химическом взаимодействии веществ’;

— ‘смесь летучих веществ, составляющая атмосферы небесных тел и хвосты комет’ (как известно, Ломоносов доказал существование атмосферы на Венере);

— ‘сверхмалые летучие частицы в атмосферном воздухе, трение которых при вертикальном перемещении слоев атмосферы приводит к возникновению электрической силы’.

Это, собственно говоря, и есть «семантический стержень» или «стержни» слова. Но некоторые словоупотребления выходят за рамки предложенной «линейной» семантической схемы. Представляется, что составители «Словаря языка М. В. Ломоносова» не должны элиминировать единственный семантический компонент, появляющийся у слова *пар* в патетической «Оде на взятие Хотина» (1739), когда оно употреблено Ломоносовым в контексте грандиозного описания битвы, завершившейся победой русского оружия. Филолог Ларинской школы, как представляется, обязан задумываться над «скрытой», «неочевидной» семантикой слова в историческом тексте, тем более что это — ключ к пониманию самого текста, к пониманию авторского замысла. В этом случае семантическое содержание слова *пар* как бы поднимается, можно сказать, «воспаряет» над обиходными и естественнонаучными (ведь Ломоносов, пишущий эти строки, находится в состоянии *восторга* — словами «восторг внезапный ум пленил») начинается ода — АПСС, т. 8, с. 18) значениями:

К Российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы Татар;
Скрывает небо конской *пар!* (АПСС, т. 8, с. 18).

Нет сомнений, что словарная статья к слову *пар* в «Словаре языка М. В. Ломоносова» должна содержать следующее указание: «ПАР ... | В поэтическом контексте: о дыхании разгоряченных лошадей». Более того, для истории русского литературного языка, для объективной оценки роли Ломоносова как реформатора русского языка значимо это «сильное» поэтическое решение — перевод заурядного обиходно-бытового слова, принадлежащего «посредственному» или «среднему штилю» (ср. в словарной статье к слову *пар* в СлРЯ XVIII в. (вып. 18, с. 201) употребление его в характерных источниках — «Трудах Вольного экономического общества», «Примечаниям к Ведомостям», «Переводах из Энциклопедии», сочинениях С. П. Крашенинникова» и под.), в поэтическое употребление, в разряд выразительных средств русской поэзии, ср. у Г. В. Иванова, поэта «мистического очарования» в стихах о Петербурге («Опять на площади Дворцовой..», 1915):

Несутся сани за санями,
От лошадей клубится *пар*.
Под торопливыми шагами
Звенит намерзший тротуар⁸.

В. К. Тредиаковский — современник и соперник Ломоносова — находит правильным и соответствующим поэтической норме применить слово *пар* только в переложении «басенок» Эзопа гекзаметрами, т. е. в «пониженном» стилистическом регистре (<«Облако и Земля»>):

Как изрыгнула Земля изнутри утробы
Влажных несколько *паров* для своей оздобы,
То, в одну те кучку слившись меж собой клочком
Сделались невдолге небольшим вот Облачком⁹.

Приведем еще одно необычное употребление, теперь во вдохновенном научно-риторическом «Слове о пользе химии» 6 сентября 1751 г.: «Напрасно сие руно златое (т. е. богатства природы. — С. В.) окружает она (натура. — С. В.) хоботом толь лютого и страшного дракона, ибо искатель оного, научен незлобивою нашею Медеєю (т. е. химией. — С. В.), ядовитые зубы его выбьет и данными от ней лекарствами от убивающих *паров* оградится» (АПСС, т. 2, с. 361), где *пар* — естественно, с соответствующими пометами «мифологическое» и «в образном контексте» — ‘ядовитое дыхание дракона’. Такого рода семантические явления представляют собой не какие-то отдельные «фрагменты», «осколки» или «рудименты» старых значений или новации века, не оформившиеся как значения¹⁰, которые Л. Л. Кутина (тоже, заметим, прошедшая лексикографическую выучку в лексикографической школе проф. Б. А. Ларина) предложила выделять при описании семантики слова в СлРЯ XVIII в., а закономерные реализации семантически-образного пространства языка М. В. Ломоносова. Магистральные семантические компоненты лексической единицы языка XVIII столетия хорошо показаны в словарной статье к слову *пар* СлРЯ XVIII в. (вып. 18, с. 201). Особые, «обычные и, одновременно, необычные», как назвала их Л. С. Ковтун, ломоносовские употребления или применения слова *пар* (термин «оттенок» считаем неудачным, так как семантическая и словообразовательная связь со словом *тень* создает уверенную ассоциацию с чем-то незначительным, нереальным, зыблущимся) должны найти отражение в словарной статье словаря языка ученого, риторика и поэта, так как «авторский стиль проявляется не столько в создании новых слов и значений, сколько в отборе речевых средств и своеобразном их применении»¹¹.

3. Подобные «обычные и, одновременно, необычные» явления часто наблюдаем относительно употребления антропонимов в тексте М. В. Ломоносова. Мифоним *Медея* в русской литературной культуре XVIII в. обычен и традиционно употреблялся в значении ‘в античной мифологии — дочь царя Колхиды Ээта, возлюбленная аргонавта Язона. Волшебница, известная своей жестокостью’ или (с пометой «уподобительно») ‘о злобной

жестокой женщине, ворожее' (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 106). М. В. Ломоносов в приведенном выше контексте из «Слова о пользе химии» создает новый троп — уникальное авторское образно-символическое применение, которым путем антономазии¹² или, возможно, через прием аллегии, обозначает химию — науку, которой он всю жизнь преданно служил. Таким образом, соответственно стратегии «всеобщности» лексикографического описания, предложенной Б. А. Лариным, в «писательский» или, шире, «авторский» словарь должна быть включена антропонимическая и топонимическая лексика, что, в целом, очевидно и не требует особых доказательств, но не всегда принимается без возражений лексикографами традиционной академической школы (в частности, на первых этапах работы над «Словарем языка М. В. Ломоносова» предлагалось перенести описание собственных имен в дополненное переиздание энциклопедического словаря «Ломоносов»). Во многом благодаря влиянию лексикографических трудов ларинского направления было принято решение включить имена собственные в «Словарь языка М. В. Ломоносова». Давно известно, что семантическое описание собственных имен в авторском словаре порой вызывает трудности (так, например, фамилия одного из учителей М. В. Ломоносова в Германии, профессора химии Ю.-Г. Дуйзинга имела в XVIII в. несколько написаний: *Duising, Duisingius, Duysing, Duysingius* и др.) Кроме того, в такой работе составители постоянно встречаются с проблемами недостатка (труднодоступности) нужной информации. Хотелось бы, чтобы имена собственные получали семантическую интерпретацию прежде всего исходя из окружающего контекста, но эти сведения могут быть кратки или недостаточны. Что, например, можно узнать из текстов Ломоносова о реальном историческом лице с фамилией *Арнольд (Arnold)*? Исследователи текстов Ломоносова располагают в данном конкретном случае: 1) одним упоминанием в постскрипуме к письму Л. Эйлеру 28 ноября 1754 г. на немецком языке: «In dem Hamburgischen Correspondent № 187 stehet aus des *Arnolds* Disputation ein wieder mich sehr absurder Einwurf, aus welchem zu ersehen ist, er glaube, daß das Bley den höchsten Grad der Hitze bekommt, wenn es nur zu schmelzen anfängt» (АПСС, т. 10, с. 518); 2) одним — в русских текстах (пример см. ниже); 3) одним контекстом в латинских текстах: «item *Arnold* nonnemo Erlangaen» (АПСС, с. 10, с. 517). Следовательно, анализ контекстов русского, немецкого и латинского конкордансов текстов АПСС позволяет сделать следующие выводы: 1) некий г. Арнольд из Эрлангена (город в Баварии) выступил с критическими замечаниями в адрес теории теплоты Ломоносова; 2) эта критика вызвала его неудовольствие. Для создания словарного толкования собственного имени этой информации совершенно недостаточно. Приходится обратиться с сведениям, которые можно обна-

ружить только за пределами эмпирической базы «Словаря языка М. В. Ломоносова», т. е. к «сверхсловарным» сведениям, связанным с широким историко-культурным контекстом XVIII в. Источником таких сведений должны стать, прежде всего, разнообразные русские и немецкие толковые и энциклопедических словари, справочники, научные исследования, посвященные М. В. Ломоносову, также труды по истории науки XVIII столетия. Дополнительные сведения могут быть почерпнуты также из статьи Ломоносова «Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages, destinés à maintenir la liberté de philosophie» (АПСС, т. 3, с. 201–232), упоминание о которой целесообразно включить в текст толкования (текст этой работы не входит в эмпирическую базу «Словаря языка М. В. Ломоносова», так как оригинал на латинском языке утрачен, а переводы на французский и русский языки в АПСС принадлежат не Ломоносову). Точное название диссертации (книги) И. Х. Арнольда установлено в п е р в ы е благодаря исследовательской работе коллектива словаря. В итоге словарная статья выглядит следующим образом:

АРНОЛД (1)

Лат. Arnold.

Нем. Arnold.

♦ Иоганн Христиан Арнольд (1724–1765), немецкий физик и математик из г. Эрланген. В 1754 г. И. Х. Арнольд в диссертации «Exercitatio physica de calore motu particularum corporis eoque rotatorio circa axes neutiquam explicando» выступил с критикой теории теплоты Ломоносова. Полемический ответ М. В. Ломоносова (оригинал на латыни утрачен) «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии» был опубликован в 1755 г. в журнале «Новая немецкая библиотека, или литературная история Германии, Швейцарии и северных стран».

• «Студента *Арнолда* старался сюда <Г. Ф. Миллер> выписать академиком, чтобы мне и здесь был соперником, затем что он писал против моей теории о теплоте и стуже» (АПСС, т. 10, с. 229).

4. В «Проекте древнерусского словаря»¹³ Б. А. Ларин предлагал показывать слова и выражения территориальных и социальных диалектов XVI–XVII вв. не изолированно, а на широком фоне древнерусской письменности. С тех пор д и а х р о н и з м — исследование словарными методами исторической динамики суммы свойств единицы языка, расширение хронологических границ словарной статьи «назад» и «вперед» («фокус» словарного описания изменятся и как бы «сканирует» эпоху), охват предшествующих и последующих состояний языковой материи — стал характерной чертой научной школы проф. Б. А. Ларина. «Псковский областной словарь», как считал проф. Б. А. Ларин, обязательно должен включать исторический материал: он будет «не строго синхроническим, а сочетаю-

щим отражение современного состояния лексической системы с документированными данными о предшествующих этапах ее развития»¹⁴; в результате словарная статья в «Псковском областном словаре с историческими данными» имеет специальный исторический раздел; при отсутствии слова в народной речи составляются отдельные словарные статьи¹⁵. Предложенная Б. А. Лариным стратегия интеграции исторических и диалектных данных позже была применена проф. Е. Н. Поляковой в «Словаре пермских памятников XVI — начала XVIII в.». В свою очередь, региональные словари являются важным источником «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (их материалы, как гласит «[Проект] словаря»¹⁶, включаются в полном объеме для демонстрации взаимодействия диалектной и общерусской лексики). Данная стратегия получает дальнейшее развитие в «Словаре языка М. В. Ломоносова»: например, метод регрессивного описания, применяемый в Словаре, позволяет показать в словарной статье, что Ломоносов, так сказать, интериоризировал у своих предшественников, что у своих немецких учителей Х. фон Вольфа, И. Ф. Генкеля, Ю.-Г. Дуйзинга, Г. Э. Шталя и др., а что — у своих коллег по Санкт-Петербургской Академии наук. Подобный метод эффективно используется Н. В. Карева при исследовании грамматической терминологии М. В. Ломоносова¹⁷: в словарной статье к словосочетанию *учащающий глагол* (лат. *verbum frequentativum*, нем. *häufendes Zeitwort*) приводятся материалы не только «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, но и предшествующих грамматических трактатов: латинской грамматики В. И. Лебедева, грамматики М. Смотрицкого, грамматики В. Е. Адодурова, Генриха Вильгельма Лудольфа (по изданию, подготовленному учениками Б. А. Ларина). Демонстрации исторической перспективы слова Ломоносова также служит особый раздел словарной статьи — справочный отдел, который регистрирует факты фиксации заголовочного слова в филологических словарях русского языка: «Словаре русского языка XI–XVII вв.», «Трехязычном словаре» Ф. П. Поликарпова-Орлова, «Словаре Академии Российской», «Словаре церковно-славянского и русского языка» под ред. А. Х. Востокова, СЛРЯ XVIII в. и «Большом академическом словаре русского языка». Задача справочного отдела — показать дальнейшую судьбу слова Ломоносова в системе языка: развитие или выход из употребления, вхождение/невхождение в литературный язык, связь с церковно-славянской и диалектной стихиями, изменения стилистических и функциональных характеристик и многое другое.

Б. А. Ларин был влюблен в свое дело и считал лексикографический труд «поучительным и образцовым как теоретическом, так и в техническом отношении»¹⁸. В словарных проектах Межкафедрального словарного кабинета в течение многих лет разработка, тестирование, затем приме-

нение на практике новых научных концепций и технологий гармонически сочетаются с теоретической и практической подготовкой молодых ученых. Разнообразные конференции, славные «Ларинские чтения», научные семинары (например, замечательный фразеологический семинар проф. В. М. Мокиенко), заседания словарных коллективов, работа в библиотеке, изучение источников, выборка, техническое редактирование — вся деятельность МСК на филологическом факультете in omni summa постоянно воспроизводит уникальную научную среду, служащую профессиональной подготовке молодых филологов. В университетах Европы подобная технология конструирования системы теоретических и практических знаний под руководством опытных наставников, совмещаемая с выполнением самостоятельных заданий (так называемая «case-study approach»), развивающих филологическую эрудицию и практические навыки («know-how»), давно пользуется заслуженным авторитетом. В современных условиях такая «учительность» или «академичность» Ларинской школы — актуальнейший пример для словарных коллективов нашей страны, в том числе и для коллектива «Словаря языка М. В. Ломоносова». За последнее десятилетие дирекцией ИЛИ РАН было сделано очень многое, чтобы проект «Словарь языка М. В. Ломоносова» стал учебно-научным центром современной лексикографии, чтобы вокруг этого проекта собрался творческий коллектив энергичных молодых ученых. Их научные интересы весьма разнообразны (славянские, классические, германские языки, прикладная и математическая лингвистика, теоретическая поэтика, грамматика — Н. В. Карева, Е. М. Магвеев, А. К. Филиппов, А. А. Ветушко-Калевич и др.), но это более помогает, чем мешает, — все увлечены своим делом: филологическим исследованием огромного наследия М. В. Ломоносова, изучением языка и культуры XVIII в.

Источники

АЛСС — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. / Гл. ред. акад. С. И. Вавилов, чл.-корр. Т. П. Кравец. Т. 1–10. М.; Л., 1950–1959; Т. 11. Л., 1983.

Словари

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978.

СЛРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2012 (издание продолжается).

Ad. — Adelung J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart: 5 Bde. Leipzig, 1774–1786.

Примечания

¹ См. об этом: Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. XL. СПб., 2004; Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. L. СПб., 2010; Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография. М., 2011. С. 190–195; Герд А. С.,

Мокиенко В. М. Лексикографическая школа проф. Б. А. Ларина // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 8 (3833). — <http://journal.spbu.ru/?p=403>.

² Герд А. С. Ларинская лексикографическая школа петербургского (ленинградского) университета // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 7. СПб., 2008. С. 4.

³ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 7.

⁴ «Камень жировик, белесоватый, зеленоватый, жирный на вид и на ошупь, из которого особ. китайцы работают разные вещицы» (Даль, т. 1, с. 543).

⁵ Фр. *atômes* имело значение ‘пылинки, видимые в солнечном луче’. См., например: Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803. Ч. 1. С. 282.

⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 404.

⁷ Ларин Б. А. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 7.

⁸ Иванов Г. В. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2005. (Библиотека поэта.) С. 76.

⁹ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2010. С. 111–112.

¹⁰ Кутина Л. Л. Семантическое описание слова в словаре // Словарь русского языка XVIII века: Проект. Л., 1977. С. 71.

¹¹ Ковтун Л. С. О специфике словаря писателя // Словоупотребление и стиль М. Горького. С. 16.

¹² М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (§ 186) называл *автономазией* «гропы речений ... когда употребляется имя собственное вместо нарицательного» (АПСС, т. 7, с. 248).

¹³ Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: принципы, инструкции, источники. М.; Л., 1936.

¹⁴ Ларин Б. А. О работе над новыми словарями: Доклад на пленарном заседании Ученого Совета филологического факультета Ленинградского университета // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 654.

¹⁵ Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-ая редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 17–23.

¹⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: Проект / Под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2000.

¹⁷ Карева Н. В. 1) Грамматические категории глагола в грамматиках М. Смотрицкого и М. В. Ломоносова // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 5. СПб., 2010. С. 36–43; 2) Термины глагольного словоизменения в грамматиках М. Смотрицкого и М. В. Ломоносова // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 6. СПб., 2011. С. 41–52.

¹⁸ Ларин Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании // Ларин Б. А. Филологическое наследие. С. 690.